

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

4. ПРАВИЛА ИГРЫ

2. ОПАСНЫЕ КУРЬЕЗЫ

Прав был великий велогонщик Роже Дюваллон по прозвищу Крокодил:

"Странно, но с годами начинаешь понимать: мы любим наших соседей, если любим себя, ненавидим других, если ненавидим себя, поддерживаем других, если хотим поддержать себя, забываем о других, если плохо помним себя" (*184).

Перед нашим отъездом в Болгарию смеялись:

– Ужо болгары сейчас мешки готовят! Тренируются в прицельном метании!

Благополучно поднять пострадавшего со столь серьезной, как оказалось, травмой с глубины –650 метров всего за 24 часа транспортировки?

И практически вчетвером?

Похоже, что таких примеров не так уж много в практике мирового кейвинга.

Так или иначе, во Враце мой доклад слушали с интересом. И снова тронула поразительная доброжелательность зарубежных коллег! Отстрелялся, что называется, на все сто. Подходили, фотографировали вывешенные нами схемы спасательных приемов, задавали вопросы.

Если хоккеист нарушает правила – его удаляют с поля.

Нарушение правил под землей карается куда строже. Так что и вопросы и ответы на них были далеко не праздными.

Теперь мне предстоит лекция о несчастных случаях в советском кейвинге. Тяжелая тема. Если к описываемому моменту у болгар за всю их историю лазания по пещерам погибло только 5 человек (*185), то в Советском Союзе – гораздо больше. И дело тут не размерах наших стран – по числу занимающихся спелеологией маленькая Болгария не уступала гиганту СССР.

Характерный показатель! Известно, что чем более развито общество, тем больший процент его населения начинает заниматься деятельностью, напрямую не связанной с производством: в том числе спортом, искусством, путешествиями и т.п.

* * *

Статистика, статистика...

Статистика призвана помочь нам осмыслить происходящее.

Если мы действительно хотим научиться безопасно работать на одинарной веревке, не стоит пренебрегать даже мелочами, любыми намеками на аварию.

И еще надо излечиться от ложного самолюбия и, что гораздо сложнее, – от страха перед карающей десницей властей.

Пора научиться говорить правду о каждом несчастном случае, о всех неудачах.

Надо, а страшно. Заявить о своих ошибках, в условиях нашего строя, значит – подставиться. И не только нашего...

Куда приятнее ходить с гордо задранной головой: у нас, мол, ничего не случается! Полный ажур.

Нет таких групп, у кого не случается. Такова специфика самого дела. Что-нибудь случается всегда. Маленькие шероховатости, средние ошибочки, большие проколы...

Так набирает темп вероятность серьезной аварии.

Изучение несчастных случаев в экстремальных видах спорта, таких, например, как альпинизм, дает интересную закономерность распределения числа аварий в зависимости от опыта участников восхождений.

Больше всего чрезвычайных происшествий, причем с тяжелыми последствиями, происходит среди новичков и... в группах высокой квалификации.

В чем тут дело?

Что касается новичков – все понятно. Элементарная неопытность, неподготовленность, незнание правил игры.

Чем дальше – тем сложнее задачи, которые предстоит решить. Рост сложности маршрутов обеспечивается пропорциональностью уровня подготовки. Пока эта зависимость соблюдается – вероятность аварии минимальна. Именно поэтому группы средней квалификации наименее аварийны. У середнячка уже хватает опыта, чтобы не замахиваться на невыполнимое, и достаточно уважения к игре, чтобы соблюдать ее правила.

До определенного момента такое соответствие между предстоящими задачами и собственными возможностями удается удерживать довольно строго. Но затем равновесие может нарушиться. Если усложнение маршрутов не компенсируется возрастанием мастерства – закономерно увеличивается степень риска.

Не последнее роль в этом процессе играет "звездная болезнь", симптомы которой, с достижением определенного уровня мастерства, можно заметить у многих вертикальщиков. Опыт, наработанный в десятках рискованных и благополучно окончившихся ситуаций, из которых удалось выйти невредимым, начинает оказывать дурную услугу. Он превращается в самоуверенность. По принципу: "С кем-кем, а уж со мной-то этого не случится!"

Плюс элементарная лень выполнять утомительные, тысячи раз проделанные технические мелочи. (На фиг это надо? Сколько раз делал, а ни разу пока не пригодилось!).

Плюс удовольствие позволить себе слегка пренебречь обязательными для остальных правилами (Кому-кому – а мне-то уж можно!).

Возможность переступить закон – сродни наркотику. Стоит раз попробовать, хочется еще.

Если Вы, мой Внимательный Читатель, хоть раз ощутили желание пренебречь каким-либо правилом безопасности – берегитесь! Нарушение таких правил – не выдуманных, а объективных, конечно, – не проходит безнаказанным.

Если не для Вас, то для тех, кто на Вас смотрит.

Помните?

"Запрещается ходить в кедах по крутому травянистому склону!" – сказал инструктор и пошел в кедах по крутому травянистому склону.

Сколько тонкой наблюдательности в этой старой туристской байке! С опытом мы склонны забывать, что правила безопасности едины для всех, вне зависимости от опыта, возраста, знаний.

* * *

Говоря о статистике несчастных случаев в СССР, не стоит забывать, что ни в альпинизме, ни в кейвинге, ни в одном из видов спортивного туризма или путешествий учет несчастных случаев не был налажен достаточно хорошо. В картотеку попадали только случаи, которые невозможно было утаить, то есть аварии с тяжелыми последствиями, требовавшими официального вмешательства. Все, что только можно, скрывалось от официальной статистики. И уж совсем ускользали от осмысления аварийные ситуации, потенциально чреватые пагубными осложнениями. Аварийные ситуации, которые, в зависимости от дальнейшего развития событий могли закончиться благополучно, а могли и обернуться серьезными последствиями.

Именно поэтому, начиная учет чрезвычайных ситуаций в нашей практике SRT, я старался не упустить ни одного происшествия, даже если, на первый взгляд, его и нельзя было напрямую отнести к опасным.

Даже если авария уникальна, если смех берет или оторопь – эк его угораздило! – надо знать о ней. Чтобы быть готовым ко всему.

Информированность – важнейшее условие безопасности.

Первые два года работы с одинарной веревкой дали по нашему клубу солидную цифру: 33 аварии.

Преодолевая ввевшуюся в кровь осторожность, я опубликовал эти данные. Пусть знают все: одинарная веревка – это не прогулка при луне. Каждого, ступившего на нейлоновую дорогу, ожидают многочисленные опасности.

В том числе и весьма неочевидные.

Но ключ нашей безопасности – в наших руках. Удивительно, но мне известно очень мало случаев, когда причиной аварии является Природа, а не сам человек.

Враждебность окружающего зависит, прежде всего, от нашей подготовленности вести диалог.

Правильно говорят: "Нет плохой погоды – есть плохое снаряжение!"

Выбирая тот или иной вариант дальнейших поступков, мы можем влиять на ситуацию в 99, если не в 100 % случаев. Все дело в том, как рано и точно мы понимаем суть опасности и насколько адекватно начинаем действовать.

Так что не стоит винить Природу в наших неприятностях на маршруте. Это напоминает ситуацию, когда стукнувшись лбом о дверь, мы изрыгаем проклятия в ее адрес. Дверь – то чем виновата? Она безвольна.

* * *

После падения мешков на втором по числу месте оказались аварии из-за поломки снаряжения.

Этого мы ожидали и заблаговременно приняли меры.

Фирменного снаряжения у нас не было, а самоделки – на то и самоделки.

Ахиллесова пята индивидуального снаряжения SRT – беседочный замковый мэйон рапид. На этом стальном треугольнике буквально держится все остальное снаряжение. Поэтому его поломка – страшное событие.

И неприятности с самодельными рапидами не замедлили начаться.

Сначала на втором колодце Торгашинской вырвало муфту такой самоделки у Ербола Курмангалиева. "Люди Ербола" вполне могли остаться без своего предводителя. Но рапид разогнулся удачно – всего в трех метрах от дна колодца.

Дальше больше. В той же пещере удачно увернулся от посланной Борисом Алексеенко канистры другой усть-каменогорец – Виктор Фитисов. Но от Судьбы не ушел. Стоило ему в начале подъема нагрузить свой мэйон рапид, как тот немедленно разогнулся. И снова удачно – некуда падать в метре от дна!

Куда больше рисковал Сергей Хардилов, покидая Сумган под занавес нашей советско-польской экспедиции в августе 88 года.

Входную шахту Кутук-Сумгана нет нужды подробно описывать – мой Внимательный Читатель уже отчетливо представляет ее огромную каменную трубу, украшенную висящими ледниками.

Экспедиция заканчивалась. Последняя двойка: Хардилов-Гановичев, поднимаясь с 70-метровой глубины, снимала за собой навеску. Оживленно переговариваясь между собой, парни демонстрировали преимущества SRT поднимающимся параллельно по своей двухверевочной навеске девушкам из Прибалтики. Девушкам, правда, было не до того: джиге прибалтийские хлопцы, поплевав на ладони, "на раз-два" извлекали их из пещеры, наподобие транспортных мешков.

Хардилову оставалось всего два крюка до выхода в большую нишу северной стены, куда восходила трасса. Сергей хорошо виден на фоне желто-белых скал пропасти, украшенных здесь, на свету, яркими разноцветными пятнами лишайников. Излагая свою жизненную концепцию поднимающемуся следом Гановичеву, Хардилов довольно быстро продвигается вверх, как вдруг, не доходя полуметра от корема ближайшего крюка, останавливается и замолкает. При этом вся его поза выражает крайнюю озадаченность и тревогу.

Я стою на противоположной стороне пропасти, Хардилов находится ко мне и к колодцу спиной, и поэтому сразу не видно, что у него приключилось.

Но вот Серега быстро поднимает руку и локтем цепляет корем, в то же время продолжая какие-то судорожные движения на уровне груди.

Что называется, комментарии излишни. Единственное объяснение этой суете – мэйон рапид! Однако, ситуация... Повиснуть над 70-метровой бездной на руках – не всякий каскадер согласится!

– Что, Сережа? – как могу спокойнее, спрашиваю я.

Слышно над Сумганом хорошо, а криком делу не поможешь.

Молчание скорченной у стены фигуры подтверждает мои догадки.

Что делать в таком случае? Когда в Торгашинской я начал спуск на не застегнутой беседке и обнаружил это уже на отвесе, то мигом обвязался запасным репшнуром. Хотя знал, что даже не застегнутая, моя беседка не даст мне окончательно вывалиться. Конструктивно не может.

Знать – знал, а труханул порядочно.

Хардикову сейчас несладко. У него нет в запасе моего опыта.

А что бы сделал я? Первым делом – встал бы на педаль ведущего зажима, потом обвязался запасным шнуром и присел бы на него...

Как бы там ни было, а однозначного выхода из такой ситуации нет. Каждый вынужден решать задачу сам, исходя из имеющихся в наличии знаний, набора отработанных приемов, запасного снаряжения, сообразительности и присутствия духа.

Но вот звучный выдох проносится над колодцем. Хардиков отпускает корем и быстренько поднимается последние несколько метров, минуя перестежку. Вышел!

Этот рапид хранится у меня – на память от Сереги. Как ему удалось завинтить-таки резьбовую муфту на разошедшемся под нагрузкой разъеме – секрет не только для меня, но и для самого исполнителя смертельного трюка.

Я уже говорил, что большинство из нас в то время использовало самодельные мэйон рапиды, которые, в большинстве своем, изготавливались из мягкой не каленой стали, и значительно уступали по прочности фирменным. На незакрученном фирменном рапиде можно висеть сколько угодно – рывки, конечно, противопоказаны, а так – нормально.

В Киевской 87-го года, еще до аварии с Филом, в одном из предварительных выходов я метров 150 прошел на незакрученном МР и обнаружил это только на поверхности. Но... привычки из этого делать нельзя.

Наши самodelки разгибались под нагрузкой, но, слава Пещерному Богу, хоть не разрушались.

Так родилось правило SRT для самодельного снаряжения: если существуют сомнения в надежности беседочного мэйон рапиды, следует дублировать его страховочным кольцом из веревки или стропы соответствующей прочности. Мы называли это приспособление – "кольцо безопасности".

И еще – носите с собой метра 2–3 запасного репшнура: запас карман не тянет!

* * *

Каждый участник соревнований по горному туризму, скалолазанию, не говоря уже о спелеотуризме, сталкивался в те годы с жестким судейским прессингом в отношении карабинов. Долгое время не разрешалось пользоваться на соревнованиях карабинами без муфт. Даешь карабины с муфтами и точка!

Всегда ли оправдано это требование?

Правила SRT очень демократичны в этом отношении. Карабины без муфт используются сплошь и рядом, особенно при навеске.

Что касается индивидуального снаряжения, то нам пришлось строго определить, какие карабины обязательно должны иметь фиксацию от открывания, а какие нет.

... Ему оставался всего один отвес – спуск в зал имени Алтайского Государственного Университета – зал АлГУ. Веревка перилами шла к дальнему краю широкой полки, где поблескивал очередной крюк навески. Спускавшийся впереди Петров уже ушел вниз, в черноту зала, откуда мощно доносился шум падающего сверху ручья. Вова Пантюхин знал, что на самом деле вода сейчас чисто

символическая, и этот шум – фокусы пещерной акустики: жиденький душ падает на какой-нибудь полиэтилен!

Зимой в Алтайской воды практически нет. Это не весной или, скажем, летом. Глубочайшие из алтайских пещер вообще расположены как-то аномально. Ну где еще можно встретить вертикальную пещеру в лесу посреди болота? А здесь самое настоящее болото, поросшее чахлым леском. Прорезающие замкнутую горами котловину овраги собирают болотную воду, дренируют ее в вертикальный ствол пещеры. Не только Алтайская, но и глубочайшая пещера Горного Алтая – Кек-Таш, тоже расположена на болоте.

Выходя на полку, Пантюхин подумал, что это его третья экспедиция в Алтайскую, а вот до дна ее он добирается впервые. В общем-то, ничего сложного. Все колодцы простые, красивые. Белоусовцы, работавшие здесь месяц назад, забили хорошие крючья. В январе это было. А сейчас – февраль.

Володя вдоль перил подошел к крюку. Снизу невнятно звучали голоса, сплетаясь с гулом ручья. Парни уже в АлГУ.

Пантюхин привычно пристегнулся на крюк коротким усом, потихоньку сполз в отвес и завис на самостраховке. Стена здесь выступала весьма острым карнизом, который выпирал из стены на уровне Пантюхинского живота. А дальше шла пустота – ноги до стен не доставали.

Пантюхин завел в решетку веревку и зафиксировал ее на рожах спускового устройства. По-хорошему, надо было теперь встегнуть выше решетки зажим и спускаться, как положено, с самостраховкой. Но Пантюхин уже полпещеры шел без самостраховки. Да и чего бояться? Все колодцы простенькие, веревка идет сплошняком от крюка к крюку: падать особо некуда.

Это создавало уверенность, что в случае потери контроля над спусковым устройством, далеко не улетишь – остановишься на ближайшем промежуточном закреплении.

Да и удобнее так-то – обе руки на веревке.

* * *

Кстати, сплошная навеска с перецепками веревки на промежуточных крючьях предупредила немало серьезных аварий.

В Перовской во время нашей экспедиции 88-го года улетел в первый – сразу после окончания входной наклонной галереи, 18-метровый колодец, белоусовец Федя Рылский. Не пристегнув самостраховочный зажим, Федор классически упустил рапель из руки и, грузеный мешками, со свистом рухнул вниз с высоты 6-го этажа.

Спас корем у промежуточного крюка, забитого на уступе над отвесом следующего колодца. Крюк был забит высоковатом, кто покорооче ростом – на перестежке не раз болтали ногами в воздухе в нескольких сантиметрах над площадкой, воздавая "хвалу" забившему такой неудобный крюк.

И только Кузьмич благодарил его искренне. С размаху сев в корем, он едва достал каблуками площадки и, в результате, отделался легким испугом и сильными впечатлениями. Такие дела.

* * *

Но вернемся в Алтайскую.

Закрепив на рапели решетку, Пантюхин поправил под собой мешок, с которым спускался. Теперь оставалось встегнуть самостраховку, и можно было ехать вниз. Силенка у Вовы еще была: 200 метров спуска по Алтайской не очень утомили. Вова покрепче взялся за веревку под самым крюком, примерился и, резко подтянувшись на руках, вынул из крюка карабин самостраховочного уса: выстегнул, значит, ус и начал осторожно опускаться на решетку...

Что-то было не так! Пантюхин еще не понял – что, но уже ощутил ледяной озноб какого-то несоответствия, какой-то ошибки.

Он садился и все никак не мог сесть на "спускер", не чувствовал под собой опоры, все больше соскальзывая животом с карниза в пустоту зала. Вова висел уже

почти на вытянутых руках, а транспортный мешок свинцовой гирей тянул за беседку вниз. Да где же эта чертова решетка?!

Он увидел ее. И увидев, не поверил своим глазам.

Это здорово походило на кошмарный сон.

Его решетка! Она висела на веревке на уровне Пантюхинского носа, тщательно, как на учебных занятиях, зафиксированная, но... решетка висела отдельно, просто так – сама по себе!

Будто электрическим разрядом, стеганул по нервам страх. Влип!

Пантюхин висел на руках над глыбовым завалом грота АлГУ на высоте пятого этажа. Если бы не мешок, Вова попытался бы вылезти наверх, на площадку. Но подтянуться еще раз с таким грузом да еще взобраться на проклятый карниз?

– Мужики! – крикнул Пантюхин. – Я падаю!

Сверху спускался кто-то из парней, и Володя услышал торопливый голос: "Погоди, не падай, сейчас подойду!" Но помощь была еще далеко, а сил оставалось все меньше.

В возбужденном мозгу лихорадочно метались мысли.

Рукавиц нет, значит, если съезжать на руках, то за 15 метров все руки сожжешь к черту! Почему-то он не подумал о возможности встегнуться усом в висящую на уровне глаз решетку или попытаться одним движением прицепить к рапели пуани с педалью – и все! – он спасен. И мысли не было. А может быть, чувствовал, что на одной руке ему и секунды не продержаться.

Готовясь к падению, Пантюхин стал вращательными движениями накручивать рапель на ногу и висящий на трансрепе мешок, сообразив, что так трения при падении будет побольше.

Снизу слышался только грохот камней: видимо, парни молча бежали к навеске.

Силам пришел конец.

– Падаю! – скорее скомандовал, чем крикнул, Вова и выпустил из рук веревку.

Коля Петров услышал свист трущейся о что-то мягкое рапели и понял, что Пантюхин "пошел". Он приготовился принять удар, напружинился, и в тот же момент тяжелый толчок сбил его с ног, повалив в расщелину между глыб. Спустя мгновение, не чуя ушибов, Петров уже снова был на ногах. В свете налобного фонаря снизу, из щели между глыб, на Петрова, криво улыбаясь, смотрел Вова Пантюхин.

– Во, блин! – сказал Пантюхин.

– Вовчик, ты живой?! – Коля и подбежавший Саша Ван ощупывали Пантюхина, еще не веря, что все закончилось легким испугом.

– Живой, – сказал Пантюхин, морщась от боли в расшибленном о камень колене.

– Я из решетки выстегнулся.

– Вовчик! – с чувством сказал Петров. – Вовчик, ну ты и козел!

Так мы узнали еще одно правило техники одинарной веревки – карабин спускового устройства должен фиксироваться от открывания муфтой. Обязательно!

Анализируя этот случай, мы пришли к выводу, что, лежа на карнизе, Пантюхин умудрился отжать о камень защелку карабина и в момент подтягивания снялся крюком уже открытого карабина со скобы решетки. Невероятно, но факт!

* * *

Звонит телефон. Он стоит на моем рабочем столе рядом с пишущей машинкой. Еще весь в мыслях о работе, снимаю трубку.

– Слушаю.

– Привет, – на проводе Алма-Ата, Шакалов. Голос Саши как-то казенно сух, безжизнен. – У нас ЧП, слышал?

– Нет, – что-то внутри подтягивается, как перед прыжком в холодную воду. – Что случилось?

– Игорь Милеев упал в Киевской. В "шестидесятке". Ты Игоря знаешь, он приезжал на соревнования, из молодых.

– Живой?

– Живой. Но тяжелый. Сейчас в больнице в Ургуте.

Ох, уж эта больница в Ургуте!

– Так они что – зимой в Киевскую пошли? Под Новый год?

– Восемьдесят девятый в экспедиции проводить решили. Почему упал? Выпустил рапель, зажал самостраховку по тросу и так летел метров двадцать. Молча летел. Паша Луганский внизу стоял, не успел подстраховать. Да парень еще плотный, этаким здоровяк.

"Шестидесятка" – это перед базой –350. Самый противный колодец.

– Как доставали?

– Он сутки без сознания лежал. Сотрясение сильное. Они на –350 лагерь поставили и еще двое суток его там продержали, боялись, что помрет при транспортировке. Потом решились и за 12 часов подняли. Ну, и в больницу. Ноги повреждены, конечно, но главное, голова...

Вот и еще одни "спасы" в КилСИ.

* * *

Конец декабря 1989 года получался тяжелый. Я уже боюсь поднимать трубку телефона.

Незадолго до Шакалова позвонила Москва. В трубке усмешливый голос Володи Рудыха, одного из московских членов нашего клуба "Сумган":

– Неужто не знаешь? Ну, в общем, у нас в Снежной... бельгиец "поломался".

Вот тебе раз! Впервые наши московские товарищи под флагом "Сумгана" через "Совинтерспорт" взялись за коммерческое обслуживание группы бельгийских спелеотуристов на заказанном ими маршруте. И – авария?

Бельгиец Дихэв Дидье имел небольшой опыт в кейвинге. Иначе он не взялся бы за транспортировку по ледовой части Снежной сразу четырех здоровенных мешков с веревкой. А если бы и взялся, то прицепил бы их на отдельные транспортировочные шнуры. Так или иначе, но он начал спуск с четырьмя мешками и благополучно добрался до Кривого колодца на глубине –150 метров. И тут у очередного крюка "сел в корем". Точно так же, как некогда в Торгашинской пещере запутался в кореме Валера Мальков.

Понятно, что мешки не преминули накрепко перепутаться между собой и веревкой, что, впрочем, не повергло Дидье в долгие раздумья.

Для того, чтобы вытащить мешки из корема, Дидье требовалось приподняться.

Напомню, что корем – это дугообразный провис веревки, позволяющий сделать перестежку через крюк.

Так вот, Дидье попробовал приподняться, упершись ногами в свою педаль. Но – четыре мешка! Как и большинство из нас, бельгиец не отличался богатырским телосложением или феноменальными физическими данными.

Крюк, остановивший Дидье, был забит над острым карнизом, так что ноги бельгийца болтались в пустоте. Дидье шел последним в двойке, его напарник уже закончил спуск на снежном конусе Большого зала и теперь мог помочь товарищу только поднявшись снова на самый верх Кривого колодца. Но Дидье и не думал обращаться за поддержкой снизу. Да и не очень-то принято в европейском кейвинге полагаться на чью бы то ни было помощь.

Перевесить мешки по одному на крюк или веревку Дидье не мог – они были прицеплены одной гроздью.

Резать и сбрасывать всю гирлянду вниз было рискованно – на Конусе мешки можно было и не найти.

Что оставалось делать? По идее, первому в двойке все же надо было подняться и помочь товарищу. Тогда Снежная еще подумала бы, пропускать ли эту команду в свои недра. А так как ожидаемых действий не последовало – пропасть усмехнулась и показала зубы.

Чтобы все-таки приподняться, Дидье решил использовать рапель под крюком. Он скрутил из веревки подобие стремени, вставил в него ногу и снова попробовал привстать. Поначалу это удалось. Дрожа от напряжения, Дидье вставал все выше и выше. Еще немного и!..

Стремя он завязал плохо – то ли не знал толком, как его вязать, то ли подвела необычность ситуации, но стопа вдруг скользнула, и Дидье резко провалился вниз. Нога проскочила в стремянную петлю до бедра, колено ушло под карниз, а сам Дидье продолжал падать вниз, увлекаемый весом мешков, тянущих его за беседку. Бедро пошло на излом, и резкая боль едва не лишила бельгийца сознания...

Самое трудное было – потерпеть. Выдержать, пока товарищ поднимется к нему по проклятой веревке, петлей стянувшей сломанную ногу.

Дидье занимался йогой, поэтому он не потерял сознания от боли, не впал в шок. Он устоял. И потом еще выдержал 6 часов на этом отвесе в ожидании спасателей.

Это тоже входит в правила Игры – умение ждать.

– Как международные отношения?

Рудых на том конце провода улыбаются.

– Нормально. Благодарность даже получили за оперативные действия!

* * *

И вот теперь авария у алма-атинцев в киевской "шестидесятке".

Я хорошо помню этот колодец.

В кейвинге широко известны неприятности, связанные с водой.

Вода, созидая пещеры, по праву считает себя хозяйкой подземелий и не собирается по добру уступать свои владения людям. Приходится пускаться на технические хитрости.

Техника одинарной веревки подразумевает, так называемую, "обвеску" воды. Зачем купаться под водопадом, если можно увести трассу в сторону и двигаться посуху? Достичь этого позволяют промежуточные точки закрепления веревки на отвесах, которые обычно организуются несколько в стороне от первоначального положения рапели. Как красиво смотрятся со стороны грохочущие подземные каскады, особенно если представишь, что пришлось бы купаться в этих струях!..

"Шестидесятка" считалась самым неприятным колодцем пропасти.

Во-первых, самый большой сплошной отвес. Все-таки 60 метров – не мало.

Во-вторых – отвес мокрый. Ручей впадает в колодец по узкому желобу-лотку, который постепенно все круче заваливается вниз, так что, в конце концов, спуск переходит в полоскание под ледяным душем. Даром, что Средняя Азия – водичка-то с тающих снежников!

В 87 году навеску на этот колодец делал Фил Фикус. Это была классная работа! Едва начав спуск, Филип забил в правую стенку желоба крюк и ушел длинным маятником далеко вправо по весьма удобной для передвижения косой расщелине, украшенной мощными нависающими над колодцем скальными зубьями. Почему-то раньше эту расщелину никто не замечал, а вот болгарин увидел и сразу же сориентировался. Опыт есть опыт.

Охватив один из зубьев тросовой петлей и закрепив на ней веревку, Филип ушел вниз и там, где стены уже напрочь расходились колоколом, забил крюк последнего промежуточного закрепления.

Мы стали недостижимы для воды! Теперь она смутно шумела где-то в отдалении. Абсолютно сухие стены вдоль трассы – это ли не прекрасно?

И великое благо может обернуться злом, ибо нет на свете ничего абсолютного.

... Мы спускаемся в паре с Любой, последней двойкой в нашем тактическом рисунке штурма. Свет двух карбидок хорошо освещает наш путь, и пещера кажется более светлой, приветливой.

Мы полны сил и оптимизма. Все идет, как по писанному, и первые 300 метров спуска пролетают незаметно.

Мы почти не разговариваем, только привычный лаконизм команд да лязг нашего снаряжения сплетаются с привычным шумом текущей воды.

Вот и 60-метровый колодец. Это своеобразная точка отсчета – одна треть пути до Дна. На спуск ухожу первым. Ручеек игриво звенит под ногами, ожидая, что мы подставим каски под его душ. Не дождется! Навеска круто уходит на траверс, заложенный Филом. Добираюсь до скального зуба, перестегиваюсь на следующий участок рапели, жду.

У каждого промежуточного закрепления поджидаю Любу, тихонечко придерживая рукой корем. Это – страховка снизу. Если она выпустит рапель из рук и начнет скользить вниз, я натяну веревку в ее решетке и остановлю падение. Это самый надежный способ подстраховки партнера на случай, так называемого, неконтролируемого спуска.

Идем дальше. Мерное пощелкивание карабинов, шум воды в стороне от трассы. Все так привычно и мирно.

Зависаю у последнего перед колоколом крюка. Колокол, по-болгарски – "камбана": гулкое такое слово. И вид отсюда впечатляющий – стены расходятся далеко в стороны и погружаются во мрак большого объема. Где-то правее сюда приходит бьющий сверху ручьем приток из неизвестной пока части пещеры.

Смотрю вверх над собой. Там, в оранжевом зареве карбидного света движется темная фигурка. Наши красные комбинезоны издалека кажутся черными. Люба перестегивается через тросовую петлю на скальном зубе. Если бы сейчас высветить мощными прожекторами черную бездну, что окружает нас, думаю, не только Любе стало бы неудобно. На свету эта вертикальная акробатика выглядит гораздо страшнее.

Как это в песне? "Геологи не любят альпинистов, но уважают в глубине души".

– Костя! – голос Любы сверху несколько встревожен, и я сразу подтягиваюсь, отбрасываю посторонние мысли, всматриваюсь вверх. – Посмотри, у меня все в порядке со светом?

Между нами метров восемь, и я ничего особенного не вижу. Свет как свет. Что в нем может быть не в порядке, если он есть? Правда, какой-то странно красный у него оттенок, но, может, это стены такие, просто внимания не обращали?

– Ничего не вижу, – снизу за каской Любиного фонаря не видно. – Ты спускайся пониже, посмотрю. А что случилось?

– Да так... – Люба отделяется от верхнего закрепления и плавно скользит ко мне, все увеличиваясь в размерах. Поворачивается...

Слова застревают у меня в горле (простите за штамп, но я чуть не давлюсь от неожиданности). Ко мне едет человек с пылающей головой! Оранжевый факел полыхает на Любиной голове – это не карбидка, это горит сама пластиковая каска!

– Голову от веревки!!! – ору я.

Стоит ткнуть этим факелом в капрон рапели и...

– Люба! У тебя каска горит. Быстрее ко мне!

Она уже рядом, метрах в трех.

Вот же! Как умеют растягиваться секунды, когда надо, чтобы они летели быстрее.

Через несколько бесконечных секунд я, наконец, дотягиваюсь до своей пылающей жены.

Первым делом сбиваю огонь с ацетиленового шланга, идущего к каске от ацетиленгенератора на поясе.

Пытаюсь потушить каску. Не тут-то было! Только бы не вспыхнули волосы! Наши роскошные черные косы...

И ни капли воды! Это надо ж так "удачно" сделать навеску! Качественно обвесили воду, ничего не скажешь. Бью рукавицами по горячей каске – в ней уже выгорела порядочная дыра, и огонь, наконец, сдается.

И сразу, такое впечатление, – становится темно.

Гаснет оранжевое зарево, на стенах пропадают красные отсветы, и только моя ацетиленка освещает место чуть было не разыгравшейся трагедии.

Сгореть на отвесе от собственной карбидки! Нарочно не придумаешь.

Потихоньку успокаиваемся.

– Ты мне чуть голову не оторвал! – Люба испуганно смотрит в колодец.
– Вот они – преимущества SRT! – пробую пошутить я, хотя самого еще колотит нервная трясучка.

Шутки шутками, а в двухверевочном варианте я не смог бы помочь Любе, и кто знает, чем бы все это кончилось.

Шланг ацетиленовой горелки размягчился от тепла и, видимо, при неосторожном движении, сорвался со штуцера. Ацетилен на конце шланга вспыхнул, поджег каску...

Да... В таком сухом колодце да на одинарной веревке огонь – страшнее ножа. И мы продолжаем спуск навстречу испытаниям.

---

*184 А.Голубев "Никто не любит Крокодила", Москва, "Молодая гвардия", 1973г.

*185 Летом 89 года это число возросло до 7 человек, в результате гибели двойки спелеоподводников, отравившихся углекислотой в засифонном пространстве.

Константин Борисович Серафимов

"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"

www.sumgan.com